

Глава 11. Городская революция. Урбанизация и политическое развитие в социальной эволюции

Как было сказано в предыдущей главе, городская революция была одним из важнейших прорывов, которые ускорили ход социальной эволюции, поскольку это создало условия для развития ремесла, торговли, аккумуляции богатства, военного дела, концентрации населения, развития государственности и культуры.

Как известно, первые поселения, отдаленно похожие на города (такие как Иерихон в Палестине), возникли более 9 тыс. лет назад (Kenyon 1981; Wenke 1990: 325; Schultz, Lavenda 1998: 214 и т. д.; Березкин 2013). В VII–VI тыс. до н. э. в Западной Азии появляется уже целый ряд поселений (Айн-Газал, Бейда, Саби Абйад, Бейсамун, Абу-Хурейра, Чатал-Хююк и наследовавший ему Хаджилар и другие [см., например: Массон 1980; 1989: 33–41; Заблоцка 1989: 34–38; Ламберг-Карловски, Саблов 1992; Бондаренко 2006: 50; Mellaart 1975; Wenke 1990: 326–330; Turnbaugh *et al.* 1993: 464–465; Harris 1997: 146; Schultz, Lavenda 1998: 214–215; Balter 2006; Zinkina 2019]) с вероятной численностью населения многих из них в районе 2000 человек и более. Некоторые из этих древнейших протогородов имели и оборонительные укрепления, возведение которых требовало огромных усилий. В частности, около 7200 г. до н. э. в Иерихоне имелась каменная стена толщиной 3 м и высотой 4 м, а также круглая башня высотой 8 м и диаметром 7 м (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 75; Массон 1989: 34–35; Kenyon 1981)¹. Но относительно назначения стены существуют разные мнения, в частности считают, что ее действительным назначением была защита от паводков (Bar-Yosef 1986). Но это еще были только далекие предвестники городской революции. Характерно, что города или укрепленные поселения (протогорода), сравнимые с городами по численности населения и их военно-политической или культурной роли, стали появляться раньше государств (см., например, о таких поселениях у маори: Vulmer 2002). И это было вполне естественно, особенно там, где война становилась постоянным явлением, тем более если в отдельных центрах аккумулировались значительные ресурсы (Дьяконов 1994: 43). Неудивительно, что одним из наиболее частых отличий протогородских поселений от обычных было наличие укреплений. В частности, у маори не было различий в языке для больших и маленьких поселений, но зато имелись для укрепленных и неукрепленных (см.: Vulmer 2002). Вспомним также, что славянское слово «город» («град») происходит от «городить, огораживать». Аналогичный корень (*cheng*) лежит в основе названия многих китайских городов (Тао 2002), подобные этимологии прослеживаются и в целом ряде других культурно-языковых традиций (см., например: Казбекова, Юсим 2000: 45).

1. Городская революция

Идею *городской революции* как одного из самых значительных переломных моментов в мировой истории предложил Г. В. Чайлд. Городская революция также произошла на Ближнем Востоке, а именно – в Южной Месопотамии, где в конце V – середине-конце

¹ Анализ особенностей первичных протогородов (или квазигородов), различных промежуточных форм между деревней и городом см.: Андреев 1987. О типологии древних городов см.: Массон 1977.

IV тыс. до н. э. впервые в истории возникло множество городов, самым большим из которых был Урук (см. ниже)². Процесс развивался следующим образом. В середине VI тыс. до н. э. в Южном Двуречье складывается и в первой половине IV тыс. до н. э. достигает расцвета убейдская культура, сыгравшая большую роль в истории и культуре всей Передней Азии (в V в. эта культура распространяется в Северной Месопотамии и Сирии). Она характерна наличием значительного числа достаточно крупных поселений. Только в районе Урука известно 23 крупных убейдских поселения, которые имеют площадь свыше 10 га (Массон 1989: 84). Сам город Урук в конце IV тыс. до н. э. представлял собой гигантский по тем временам городской центр, по некоторым данным, превышавший по площади 200 га, с населением не менее 20 тыс. человек (Bernbeck, Pollock 2005: 17). По сравнению с ним даже далеко не маленькая знаменитая Троя в гораздо более поздний микенский период (II тыс. до н. э.) с возможным населением в 6 тыс. человек (Истон 1996: 214) выглядит карликом. Урбанизация шла с конца V тыс. до н. э. и в примыкающей к Южной Месопотамии с востока Сузиане. Так, город Сузы к середине IV тыс. до н. э. достигает площади 25 га, что предполагает как минимум 7–8 тыс. жителей (Березкин 2013: 183).

Таким образом, именно в IV тыс. до н. э. появляется целый ряд поселений, которые уже можно совершенно недвусмысленно отнести к городам (Pollock 2001: 45; см. о некоторых из этих городов: Rothman 2004). В данный период возникают уже урбанизированные общества (Bernbeck, Pollock 2005: 17). Причем в Южной Месопотамии возникла целая агломерация из городов, находящихся рядом, настоящая урбанизированная зона (см.: Оппенхейм 1990: 90). Недаром Р. Адамс (Adams 1981) назвал Месопотамию *heartland of cities (средоточием городов)*. Месопотамские города обычно были окружены стенами, порой довольно толстыми и высокими (см., например: Pollock 2001: 47). Таким образом, произошел качественный переход к новому уровню сложности общества, не только в демографическом, но также в социальном, административном, политическом и культурном смыслах. Очередной крупный ароморфоз социальной эволюции состоялся.

Несколько позже городская революция произошла и в других регионах, создавая тем самым новые условия для развития технологии, торговли, культуры и политической жизни. Отметим, что некоторые из таких догосударственных протогородов и городов могли уже играть роль аналогов мелких ранних государств, а другие – готовили условия для возникновения государств. Но с некоторого времени оба процесса: урбанизация и становление/развитие государственности – становились все более и более взаимосвязанными (см., например: Тао 2002; Chang 1974; Казбекова, Юсим 2000: 45). Города предполагали также рост обмена, торговли, ремесла и специализации.

К середине III тыс. до н. э. городские поселения появляются во всем сиромесопотамском регионе и Эламе, других областях Ирана, на юге Туркмении, в долине Инда, в некоторых областях Малой Азии и Эгеиды (см., например: Березкин 2007б)³.

² Тема городской революции привлекла множество археологов и историков, в том числе таких как Р. Адамс, С. Поллок, Р. Бернбек, К. Ламберг-Карловски и др. Отметим также замечательного немецкого историка А. Л. Оппенхейма, который в своей книге «Древняя Месопотамия» (1990) на основе сравнения урбанизации в Месопотамии, Греции, Египте, Ассирии и ряде других ареалов высказал важные идеи, в частности то, что в каждой цивилизации урбанизация как социальное явление порождает характерный для нее тип городского поселения.

³ Можно упомянуть, чтобы представить масштаб роста городов: Десятки шумерских и аккадских городов в Месопотамии по берегам Тигра и Евфрата – ок. 3500–3200 гг. до н. э.; города Угарит и Эбла в Сирии – ок. 3500 г. до н. э. города долины Нила в Египте – ок. 3000 г. до н. э.; Сузы и другие города в Эламе (Иран) – ок. 3500 г. до н. э.; Намазга-Тепе, Алтын-Депе и другие городские поселения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса в Средней Азии (территория Туркмении) – ок. 3000–2500 гг. до н. э.; города в долине Инда и его притоков – Хараппа, Мохенджо-Даро (ныне территория Пакистана) – ок. 2700 г. до н. э.

О степени трансформаций, а также о темпах городской революции в Южной Месопотамии можно судить по таблице (см. Табл. 11.1), которую приводит Р. Адамс (Adams 1972: 18; взято из: Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 140)⁴:

Табл. 11.1. Динамика числа поселений разных типов в Южной Месопотамии, 3500–2900 гг. до н.э.

	Деревни	Селения (городки)	Небольшие городские центры	Города
3500 г. до н.э.	17	3	1(?)	0
3200 г. до н.э.	112	10	1	0
2900 г. до н.э.	124	20	20	1

Большинство ранних кластеров городов возникли у орошаемых земель по берегам речных систем, где изобилие водных ресурсов и плодородные почвы делали возможным производство множества сельскохозяйственных продуктов. При этом шумерские города-государства уже к 3300 г. до н. э. имели достаточно централизованную систему управления; их храмы, выполнявшие функцию перераспределения сельскохозяйственной продукции, породили все возраставшие бюрократические структуры, осуществлявшие координацию и учет производства и перераспределения (см., например: Ламберг-Карловски 1990).

Для дальнейшего развития многим городам не хватало одних и тех же природных ресурсов – древесины⁵, камня, некоторых металлов; их приходилось искать за пределами собственной экологической ниши. По этой причине, например, Египет и Месопотамия конкурировали за области Сирии и Леванта, где не только имелись многие ресурсы, но и пролегли стратегические пути их доставки. Позднее, когда Саргон Аккадский завоевал прежде независимые города-государства и создал первую в истории человечества империю, в своих завоевательных походах он стремился получить контроль не только над такими ресурсами, но и над всеми стратегическими путями, по которым они доставлялись, объединив их в один коридор, от Средиземноморья до Персидского залива. Морская торговля привела Месопотамию к прямым контактам с островами Персидского залива и поселениями Аравийского полуострова (от Омана до ОАЭ); несколько раз аккадские торговцы доплывали даже до Индии (см., например: Ламберг-Карловски 1990: 12–13; Gills, Frank 1993: 81–84; McNeill, McNeill 2003: 43–51; подробнее о древней торговле на дальние расстояния как проявлении архаической глобализации см. Главу 8 настоящей книги).

Более того, шумерийская колонизация породила и одно из первых в истории ярких проявлений социокультурной глобализации. Действительно, в Южной Месопотамии для управления складывающейся бюрократической иерархией использовались специфические социальные управленческие технологии, отраженные в культурных артефактах (таблички, печати, сосуды с особыми изображениями для хранения и измерения перераспределяемой сельскохозяйственной продукции и др.). Распространение таких артефактов на значительной части формирующейся Мир-Системы от Месопотамии до долины Инда говорит о распространении сопряженной с ними социальной технологии управления и в целом указывает на упорядоченное объединение культурного комплекса и общность символической идеологии (Ламберг-Карловски 1990).

⁴ Стоит обратить внимание, что Адамс дает следующую классификацию населенных пунктов по размерам: размер «деревень» составляет от 0,1 до 6,0 га, «городков» – от 6,1 до 25 га, а «городских центров» – от 50 га и выше (Adams 1972: 17–19; взято из: Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 111). При таком подходе, конечно, ни Иерихон, ни Чатал-Хююк городами считаться не могут.

⁵ В «Сказании о Гильгамеше» Гильгамеш, полубог-получеловек, привозит в Урук древесину, убив стража дальнего кедрового леса.

Одной из крупнейших инноваций этого периода, оказавшей решающее влияние на дальнейший рост связности Мир-Системы, стало изобретение письменности: примерно в 3400–3200 гг. до н. э. появляются шумерская клинопись и египетская иероглифика, несколько позже – письменность долины Инда, которая до сих пор до конца не дешифрована.

В целом с «городской революцией», по мнению А. Г. Франка, напрямую связано рождение Афроевразийской мир-системы. Формирование городских кластеров в нескольких регионах привело к увеличению связности между ними до принципиально нового уровня, недостижимого в эпоху аграрной революции, а не к появлению Мир-Системы за несколько тысячелетий до этого. Таким образом, правильнее говорить о том, что в эпоху «городской революции» Афроевразийская мир-система испытала один из важнейших фазовых переходов в своей истории.

Действительно, в условиях, когда много городских центров осуществляли экспансию одновременно, их контактные зоны часто пересекались, а цепочки экономических и культурных связей и взаимозависимостей охватывали все большие территории. «Шумерская и эламская экспансии ... привели к известным культурным переменам в областях, ранее резко отличных друг от друга по уровню культурного развития. Эти области затем распространили свою модель, вступая во взаимодействие с другими отдаленными районами. Таким образом, четыре основные области [Месопотамия, Элам, Туран и долина Инда] оказались вовлеченными во все расширявшиеся политические, социальные и экономические отношения; даже в отдаленных регионах сложились модели более тесного взаимодействия» (Ламберг-Карловски 1990: 12–13).

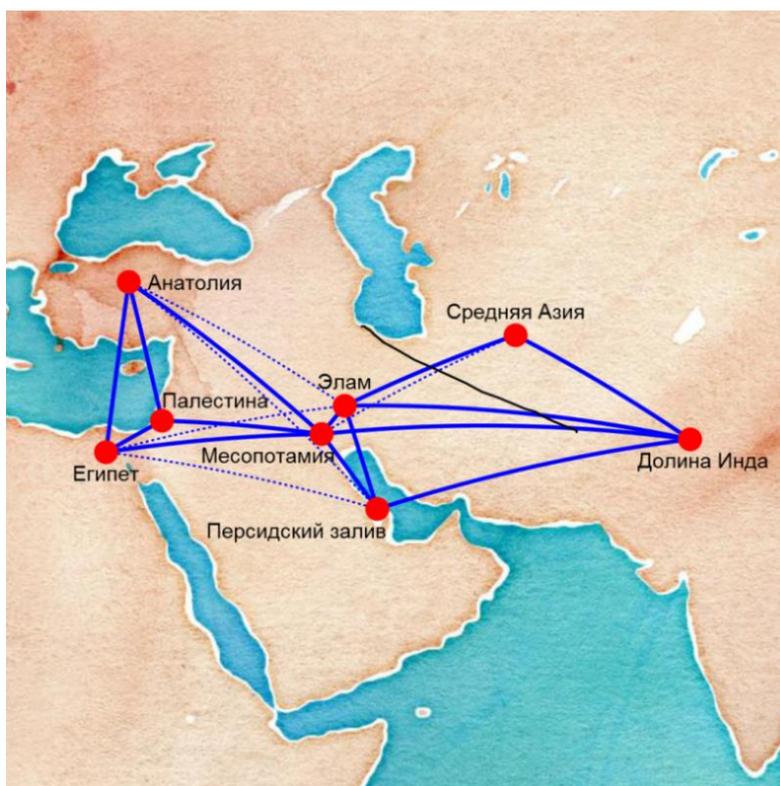

Рис. 11.1. Торговые связи в III тыс. до н. э.

Источник: Ламберг-Карловски 1990.

Таким образом, когда фазовый переход, названный «городской революцией», завершился в середине III тыс. до н. э., отдаленные друг от друга регионы Ближнего и Среднего Востока оказались напрямую связаны между собой; сформировалось сетевое пространство экономических (торговых) и социокультурных взаимодействий – основа афроевразийской мир-системы (см. рис. 9.1).

2. Урбанизация и политическая эволюция

Отметим, что некоторые из таких догосударственных протогородов и городов могли уже играть роль аналогов мелких ранних государств (а точнее говоря, политических центров таких аналогов), а другие – готовили условия для возникновения государств. Но с некоторого времени оба процесса: урбанизация и становление/развитие государственности – становились все более и более взаимосвязанными (см., например: Тао 2002; Chang 1974; Казбекова, Юсим 2000: 45).

Рассматривая взаимосвязь эволюции государственности и урбанизации, отметим, во-первых, что само появление государства прямо или косвенно связано с урбанизацией. Среди факторов, способствующих генезису государства и одновременно тесно связанных с урбанизацией, надо особо выделить: а) рост населения (см., например: Claessen, van de Velde 1985; Chase-Dunn, Hall 1994; Fried 1967a, 1967b; Service 1975; Массон 1989; Коротаев 1989, 1991; Коротаев, Малков, Халтурина 2005a; 2005б; 2007a; 2007б; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2007в; Гринин, Коротаев 2007; Turchin *et al.* 2018); б) развитие торговли (Ekholm 1977; Webb 1975; см. также: Nosov 2002)⁶; в) рост богатства и развитие престижных видов деятельности (Оппенхейм 1990: 90; Массон 1989: 100 и др.)⁷; г) рост интенсивности военных столкновений и развитие военных технологий (Дьяконов 1994; Kottak 1980; Claessen 2000, 2004); д) концентрацию в определенных местах атрибутов сакральности (Оппенхейм 1990: 90; Массон 1989).

Мы считаем важным отметить, что «городской» вариант образования ранних государств и их аналогов был одним из основных (подробнее см.: Гринин 2007б; Коротаев, Гринин 2007; Grinin, Korotayev 2012). Такой путь был связан со скоплением людей в городских и квазигородских поселениях в результате принудительного объединения ряда населенных пунктов в один, чаще всего под влиянием военной опасности. Он был характерен для многих регионов: для древнегреческих обществ (Глускина 1983: 36; см. также: Фролов 1986: 44; Андреев 1979: 20–21), Междуречья, в частности в конце IV и III тыс. до н.э. (Дьяконов 1983: 110; 2000б: 46; см. также: Оппенхейм 1990: 90), ряда африканских территорий (так, например, образовались небольшие государства у бецилео на востоке о. Мадагаскар в XVII в. [Kottak 1980; Claessen 2000, 2004]). В Греции этот процесс назывался синойкизмом.

⁶ Роль транзитной, или внешней, торговли для многих государств была очень велика. Некоторые из них, подобно африканской средневековой Гане, являлись, по выражению Л. Е. Куббеля, громадной внешнеторговой надстройкой над обществом (Куббель 1990: 72). О роли торговли в процессе урбанизации и развития государственности на севере Африканского Рога см.: Fattovich 2002. Монополизация государством торговых источников, экзотического импорта и торговые пошлины были важнейшим источником накопления, считают, например, К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1997: 236). И естественно, что развитая торговля редко обходится без городов и определенных городских слоев.

⁷ Например, И. М. Дьяконов указывает, что на рубеже IV и III тыс. до н.э. «шумеры начали получать со своих полей сказочные по тем временам урожаи. Благосостояние общин быстро росло, одновременно росла концентрация населения к культовому центру всей округи, тяготевшей к каналу. Таким образом, резко меняется структура расселения – людям было, очевидно, безопаснее вместе: появилось богатство, которое можно было похитить и которое стоило защищать». В результате переселение жителей из мелких деревень под стены центрального храма всей округи стало характерным процессом для этого периода (Дьяконов 1983: 110).

Концентрация населения в огромной мере способствовала как процессу урбанизации, так и развитию государственности⁸. В частности, для образования государства исключительно велика интенсивность контактов внутри политики или внутри политогенетического ареала. Авторы ранее уже специально обращали на это внимание (см.: Коротаев 1991: 156–157; Гринин 2001–2006, 2007*в*; Гринин, Коротаев 2009*г*; см. также: Оппенгейм 1990: 90; Шевеленко 2000). А поскольку такая плотность существенно выше в городских обществах, соответственно и политогенез в них по сравнению с аграрными социумами имеет заметные особенности, что, в частности, может влиять на выбор демократического направления политогенеза (см. подробнее: Гринин 2006*д*: 347; 2007*б*: 82).

Таким образом, сам факт появления городов тесно связан с возникновением государства. Корреляция между наличием городов и наличием раннегосударственной системы очень высокая, хотя и не стопроцентная, как настаивают некоторые ученые, например Р. Адамс (Adams 1966), считавший наличие городов неизменным признаком государства. Но, несомненно, такая взаимосвязь никак не является случайной, поскольку как экономические и социальные, так и многие политические процессы в государстве (а часто и сам этот институт в целом) переплетены с урбанизацией, опираются на нее или, в свою очередь, государство влияет на процесс роста городов. Государство – это комплексный, интегративный институт, концентрирующий в себе развитие многих отношений. Однако и город можно рассматривать как комплексную концентрацию: географическую, социальную, политическую, сакральную, концентрацию различных качеств, ресурсов и благ⁹. «Город непосредственно выступает как территориальная концентрация множества разнородных форм деятельности» (Ахиезер 1995: 23; см. также: Андреев 1987: 6; Сазонова 1988). В. И. Гуляев считает, что все ранние города Месопотамии и Мезоамерики были первоначально полифункциональными, им принадлежали такие функции, как политико-административная, идеологическая (религиозная), хозяйственная и военно-оборонительная. Монофункциональных городских центров для древнейших этапов урбанизации, по мнению В. И. Гуляева, видимо, не существовало (1995: 69; о полифункциональности месопотамских городов см.: Pollock 2001). На многофункциональной основе выросло большинство городов и в Европе (см., в частности, о Швеции: Сванидзе 1980: 46). Небезынтересным также представляется вывод Е. Носова (Nosov 2002) (применительно к начальному процессу урбанизации в Северной Европе у германских и балтийских народов) о том, что городами становились только поселения, в которых соединялись экономические функции с административными и функциями регулирования жизни общества¹⁰. Весьма часто, как это было, например, в Китае эпохи Шань, первые города возникали для обслуживания целого ряда функций, ассоциирующихся с появлением правителя, обладающего экстраординарной политической властью, т. е. сакрального монарха с реальными политическими полномочиями (см., например: Chang 1974: 5).

⁸ Концентрация населения ведет к пространственной структуризации поселений, которой так много уделяют внимания современные археологи (см., например: Адамс 1986) и в которой города, естественно, играют важную роль, начиная еще с периода формирования государства и даже раньше (см., например: Санников 2003). И чем более высока демографическая плотность, тем заметнее, как правило, выражена структуризация, в том числе пространственная (Гиренко 1991: 91).

⁹ Это находит свое отражение также в культурных и идеологических представлениях архаических обществ (см., например: Долгий, Левинсон 1971).

¹⁰ Как верно замечает В. А. Булкин, не всякое поселение, имевшее предпосылки для превращения в город, становилось им. Но даже став городом, не каждое было застраховано от кризисных ситуаций, которые могли привести к его полному угасанию (Булкин 1977: 71).

Поэтому-то почти любая причина политогенеза вообще и образования/развития государства в частности так или иначе связана с городами. Развитие религии, как и сакрализации правителя, неизбежно связано с появлением храмов и храмовых городов либо городов и столиц, которые являлись центрами религиозной жизни, в том числе благодаря заботе правителей о таких местах (интересный пример уже из истории христианства см.: Варьяш 2000; см. также о росте древнего Вышгорода благодаря тому, что там были мощи святых Бориса и Глеба [Толочко 1975: 24]). В ряде регионов (так же, как и в Месопотамии) в городах сочетались дворец и храм (Оппенхейм 1990; Массон 1989: 11), а в условиях мировых религий это стало нормой. Но роль дворцов в городах разных государств была очень разной. Например, древнерусский город величественных княжеских дворцов не знал (Поляков 2006). Города во многих нарождающихся государствах и в их аналогах играли роль опорных пунктов царской (королевской, княжеской) власти (см., например: Дьяконов 1994: 43), сопротивляться которой местному населению при наличии укрепленного городского пункта с представителем центра в нем было гораздо сложнее. Например, в раннесредневековой Швеции (как и во многих других местах) шло широкое возведение новых городских пунктов, что давало конунгам возможность поставить под свой контроль торговлю и производство и тем самым существенно укрепить позиции княжеской администрации (Санников 2003)¹¹. Но даже там, где для укрепления власти на местах и выполнения государственных функций создавались не города, а простые укрепленные пункты типа древнерусских погостов, впоследствии из многих вырастали города, как вырастали они из укреплений при переправах и других местах с разного рода важным значением. Города возникали в самых различных сочетаниях с политическими, завоевательными и миграционными процессами. В частности, некоторые исследователи (например, М. М. Горелов [2000]) связывают появление городов в Ирландии с началом перехода норманнов от пиратских набегов к поселению там. Норманны основывали города в устьях больших рек (*там же*: 283). А дальнейшее развитие урбанизации в Ирландии связано уже с английской оккупацией (Горелов 2000).

Система самоуправляющихся городов являлась своего рода костяком для некоторых крупных государств древности, таких, например, как государство Селевкидов (см., в частности: Дьяконов 1994: 52). В известной мере можно согласиться и с К. Марксом, который в своих *Экономических рукописях 1857–1859 годов* отмечал, что «история классической древности – это история городов» (Маркс 1969: 470).

Огромна роль военного фактора в рождении государств (Ambrosino 1995; Carneiro 1970, 1978; Southall 2000). Однако именно города-крепости были одним из наиболее распространенных типов городов во все эпохи (вплоть до самых последних веков [Вебер 1994: 317–320; Яковлев 1995; см. также: Толочко 1975: 23; Оппенхейм 1990; Тао 2002; Дьяконов 1994: 43; Сванидзе 2000a: 229; 2000b]). С другой стороны, военное разорение было одной из самых распространенных причин гибели городов и уменьшения общей численности городского населения. А. Л. Оппенхейм высказывает очень важную мысль, о которой исследователи процесса урбанизации порой забывают: как бы ни была важна роль урбанизации, наряду с ней сосуществовали и антиурбанистские тенденции (Оппенхейм 1990: 87–88). Причем эти тенденции проявлялись не только со стороны варварской периферии (см. глава 5; см. также: Гринин, Коротаев 2009z: 271–324; Коротаев, Гринин 2008; Korotayev, Grinin 2019), но и со стороны внутренних сил, особенно в условиях

¹¹ По мнению Г. С. Лебедева (1977: 76), скандинавский город эпохи викингов (как, впрочем, добавим, и город во многих других местах в переломные эпохи) был кристаллизующим центром бурных общественных процессов.

наличия свободной земли, в условиях феодализации государства либо в результате характерных для сложных аграрно-ремесленных обществ социально-демографических коллапсов (см., например: Коротаев 2006a; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Нефедов 2007; Турчин 2007; Korotayev, Malkov, Khalbourina 2006b; Korotayev, Khalbourina 2006; Korotayev 2017), от которых городское население страдало особенно сильно (см., например: Artzrouni, Komlos 1985). Такие тенденции порой усиливаются. Борьба этих тенденций (в высокой степени обусловленная динамикой социально-демографических циклов) как в отдельных государствах, регионах, так и в рамках всей Мир-Системы может существенно объяснить колебания в кривых урбанизации.

Также несомненно, что процесс социальной стратификации и классовообразования во многих древнеземледельческих обществах проходил под большим влиянием «городской революции» (Алексин 1986: 22; о городской революции см.: Childe 1952: Chapter 7; Чайлд 1956) и в целом урбанизационных процессов. В частности, А. Л. Оппенгейм в своем замечательном обзоре истории, функций и особенностей месопотамских городов (1990: 60–113), сделанном на широком фоне сравнений урбанизации этого региона с урбанизацией в Греции, Египте, Ассирии и ряде других ареалов, проводит мысль, что в каждой цивилизации урбанизация как социальное явление, воплощаясь, порождает характерный для этой цивилизации тип городского поселения (*там же*: 99). Это действительно так, хотя в то же время мы видим много общих функциональных черт в городах разных цивилизаций.

Без центральной власти государство немислимо (см., например: Claessen 1978: 586–588; Claessen, Oosten 1996: 2; Claessen, van de Velde 1987: 16; Ember C. R., Ember M. 1999: 158, 380; Fortes, Evans-Pritchard 1987/1940; Haas 2001: 235; Spencer 2000: 157; см. также: Гринин 2001–2006, 2007; 2016; Grinin 2003, 2004). Поэтому, на наш взгляд, взаимосвязь урбанизации и эволюции государственности особенно наглядна в отношении появления, развития и влияния на жизнь общества центрального пункта государства, то есть его столицы (об этом мы будем говорить еще и ниже). Чаще всего центральная власть материализуется географически в виде главного пункта страны, ее столицы (хотя были и весьма нередкие исключения вроде империи Карла Великого, не имевшей постоянной столицы [Дэвис 2005: 221])¹². В развитых государствах (особенно это относится к государствам Европы Нового времени) «завершается длительный эволюционный процесс: от временной ставки короля к постоянной (но лишь для данного короля) резиденции, через столицу домена к столице складывающейся национальной монархии» (Симония 1990: 84).

Поэтому особенно велика была роль центральных городов в больших развитых государствах. Значение таких гигантских урбанистических центров, как Рим, Константинополь, Стамбул или Москва, в жизни империй трудно переоценить. И концентрация

¹² Сложности сбора, транспортировки, хранения и учета натуральных повинностей подданных делало формы типа полудья достоянием не только самых ранних и примитивных государств вроде Древней Руси X в. (о полудье см., например: Кобищанов 1995), но и уже сравнительно устроенных государств даже Нового времени. Так, в Саксонском курфюршестве в XVI в. отсутствовала постоянная резиденция курфюрста. И его двор, как в эпоху Карла Великого у франков, переезжал вместе с князем из одной резиденции в другую. При этом ландтаг советовал правителю пребывать в каждом месте не больше года или даже полугодя, чтобы «не исчерпать совершенно запасы зерна, не вырубить окрестные леса, не истощить пруды, не отяготить чрезмерно людей повинностями» (Таченко 1990: 120). Нечто подобное было и в Швеции еще в XV в. (см., например: Сванидзе 2000б: 318), хотя Стокгольм и играл уже роль важнейшего города страны. Таким образом, соединение в одном месте, условно говоря, столицы и двора монарха было не везде и не всегда.

населения была там исключительно высокой¹³. Любопытно отметить рост значения столицы в развитых государствах по сравнению с ранними. Так, во времена Суллы и Цезаря Рим занимал площадь 3 км², а в императорскую эпоху уже в пять раз больше – около 16 км² (Белявский 1971: 158). Но даже в небольших развитых государствах столицы и/или крупнейшие города могли достигать удивительных для этих периодов размеров. Так, уже в XVII в. Амстердам, будучи крупнейшим голландским портом и финансовым центром, имел 200 тыс. жителей, обгоняя по числу жителей остальные крупные голландские города (такие как Лейден, Роттердам или Гаага) в 3–9 раз (Hart 1989: 665). Огромным центром для маленькой Португалии был Лиссабон, население которого достигло в 1551 г. 100 тыс. чел. Он оставил далеко позади все остальные португальские города, самый большой из которых – Оporto – едва имел 15 тыс. жителей (Hespanha 1989: 707–708).

Отметим также, что от вектора деятельности государства во многом зависит процесс урбанизации, ее интенсивность, направленность, конкретные трансформации городов. Это связано со строительством крепостей, разрушением городов во время войны, с созданием городов как опорных пунктов на завоеванной территории (как делали, например, ассирийские и урартские цари [Оппенхейм 1990: 108; Дьяконов 2004: 409–410] или Александр Македонский и его наследники Селевкиды [Bentley 1996; Дройзен 1995; Пигулевская 1956: 22]) или с созданием городов в качестве торговых факторий, при выводе колоний (у финикийцев, греков, генуэзцев и других), переустройстве городов на захваченной территории, как делали крестоносцы (см., например: Близинок 2000) и т. п. Порой разорение многих городов и увод оттуда населения служил источником развития столиц победителей, как это было, например, в Самарканде в XIV в., куда Тимур переселял ремесленников (Ашрафян 1995: 447). Словом, очень часто та или иная сознательная политика в отношении урбанизации на собственных и завоеванных территориях становилась важнейшей частью государственной деятельности. Например, «вплоть до римского периода одной из основных целей царской политики на всем Ближнем Востоке была полная урбанизация. Эта политика ускорила переход от городов-государств к территориальным государствам и способствовала возвышению столиц за счет других городов» (Оппенхейм 1990: 94).

Очень часто города играли огромную роль в политической игре или борьбе, становясь союзниками или противниками государственной власти. Особенно известна роль западноевропейских городов в становлении централизованных (и частью уже развитых) государств позднего Средневековья и раннего Нового времени (см., например: Гутнова 2000а; см. также: Гутнова 2000б; Цатурова 2000; Мосолкина 2000). Союзы городов, как известно, играли в разные периоды очень важную роль, выступая часто как аналоги ранних и, возможно, даже развитых государств (см. об этом, в частности: Неронова 1989; Залесский 1959; Макнамара 2006; Юсим 2000; Подаляк 2000; Балакин 2000; Ведюшкин 2000; также о таких «городских» аналогах см.: Гринин 2007в: 178, 184–185).

В ряде ранних и развитых государств политические изменения были связаны с переносом столицы в другой город или строительством новой столицы. Таких примеров

¹³ Уже в Древнем мире в некоторых первых развитых государствах и их аналогах роль столиц была очень велика. Так, население Вавилона в период правления Навуходоносора II (в конце VII–VI в.), по некоторым (возможно, существенно завышенным) оценкам, составляло полмиллиона человек (Белявский 1971: 157). Но, конечно, Вавилон не играл столь интегрирующую роль в жизни Вавилонии, как более поздние столицы развитых государств, однако в VI–IV вв. до н.э. он не имел соперников в мире по размерам (*там же*: 157–158). Гигантские древние города Индии и Китая выросли только в III в. до н.э. Площадь Вавилона равнялась 10 км², тогда как Ниневия при Ашшурбанипале занимала площадь в кольце стен чуть больше 7 км², а Афины в правление Перикла – 2 км² (*там же*).

множество. В частности, в 639 г. перенос столицы в Японии произвел император Дзёмей (Пасков 1987: 34)¹⁴. Саргон Древний превратил в столицу прежде маловажный город Аккаде (Дьяконов 2000а: 57). Андрей Боголюбский во Владимиро-Суздальском княжестве сделал стольным новый город Владимир-на-Клязьме (Рыбаков 1966: 617). Можно вспомнить и случаи, когда столицы строятся, что называется, на голом месте, как это часто случалось в Ассирии (Оппенгейм 1990: 94). Так было и при образовании Золотой Орды с городами Сарай-Бату и Сарай-Берке (об этих городах см., в частности: Кульпин 2006: Гл. 3). В качестве примеров из истории развитых государств стоит также упомянуть, что египетский фараон-реформатор Эхнатон перенес столицу в новый, довольно быстро построенный город, названный в честь нового бога Ахетатона (Trigger 2001: 78; Виноградов 2000а: 377–382)¹⁵. Общеизвестным является факт строительства новой столицы России Санкт-Петербурга Петром I.

На процессы роста и развития столиц, а также урбанизации в целом могли влиять и такие политические причины, как борьба с сепаратизмом, стремление укрепить центральную власть. Для этого, в частности, привлекалась знать ко двору, а иной раз ее (или ее детей) держали как почетных заложников лояльности центру. В качестве примеров последнего можно привести некоторые древнекитайские государства (Johnson, Earle 2000: 294; Pokora 1978: 203) или Бенин (Бондаренко 2001: 222–223). Но такие явления в не меньшей степени относятся и к развитым государствам. Например, основатель первой централизованной империи в Китае Цинь Шихуанди уже в первый год объединения страны (221 г. до н.э.) переселил 120 тыс. семей наследственной аристократии, крупного чиновничества и купцов в столицу Сяньян (Переломов 1962: 154). Сёгунское правительство в Японии в XVII–XIX вв. должно было постоянно следить за деятельностью князей, держать их в столице на положении заложников (Гальперин 1958; Топеха 1958; Губер и др. 1982; Сабуро 1972: 142; Сырицын 1987: 149–151; Кузнецов и др. 1988: 110–112). В османском Египте подавляющее большинство высшей страты общества постоянно или подолгу проживало в Каире, поскольку из-за постоянных интриг и соперничества мамлюкские беи и другие представители элиты боялись надолго оставлять «метрополию», т. е. Каир (Kimche 1968: 457). Кроме того, само участие в диванах, т. е. в государственных советах, требовало их частого присутствия (см. также: Гринин 2007d; Гринин, Коротаев 2009e). Петр I для развития новой столицы требовал от своих сановников строить дома в Петербурге и подолгу жить там (см., например: Каменский 2001).

Сложные взаимоотношения центральной власти и городов мы можем наблюдать не только в древности, как, например, в Месопотамии, когда города (такие как Вавилон) легко изменяют правителю в отношении завоевателя, если считают себя ущемленными (см., например: Белявский 1971: 21), но и в позднее Средневековье и даже еще в Новое время. Например, в Испании (см., в частности: Albaladejo 1989) города, особенно такие, как Барселона и Валенсия, имели очень значительные права и автономию, при этом монархия вынуждена была лавировать, давать новые права и заигрывать с городами (особенно до объединения Кастилии и Арагона). И даже после укрепления Испанской импе-

¹⁴ Вообще в истории Японии столицы переносились неоднократно (см., например: Воробьев 1977), при этом они, тем не менее, обычно играли важную центральную роль. Например, сравнительно недолговечную столицу Японии VIII в. Хэдзэ (710–793 гг.), по некоторым (вероятно, завышенным) данным, населяло 200 тыс. человек (Воробьев 1977: 68).

¹⁵ Египет вообще является ярким примером смены столиц: греки построили Александрию в IV в. до н.э. (Дройзен 1995: 233), арабские завоеватели в VII в. – Фустат, основатель недолговечной полунезависимой династии Тулунидов в VIII в. – ал-Ката'и', а исмаилиты Фатимиды в X в. – Каир (Raymond 2001: 11, 26, 36–37). Отметим, впрочем, что все три последних города находятся в пределах центра современного каирского мегаполиса.

рии автономия городов в Испании была существенно выше, чем во Франции или в Англии. Но в целом важно не забывать, что в одном и том же государстве в разные периоды или в разных ситуациях отношения между государством и городами могли существенно меняться, тем более они не были постоянными на протяжении длительных периодов (см., например, о таких меняющихся взаимоотношениях средневековых скандинавских государств и городов: Andrén 1989)¹⁶.

Для формирования и эволюции развитого государства необходимы многие экономические процессы, тесно связанные с развитием городов (подробнее см.: Гринин 2007б). В частности, в развитом государстве обычно должна уже намечаться хозяйственная специализация районов, т. е. в стране уже должен начинаться формироваться единый хозяйственный организм (Гринин 2007б; Гринин, Коротаев 2009г: 187–234). Например, в России во второй половине XVII в. стал формироваться «всероссийский рынок» (Преображенский 1967: 25–28; Хромов 1988: 148–152), а в Китае «к XVI в. определилась производственная специализация отдельных городов, районов и областей» (Симоновская, Лапина 1987: 119). В Японии XVII в. так же четко определилась специализация районов по отдельным, в частности техническим, культурам: специализация в выращивании индиго, хлопка, льна, сахарного тростника и других культур, каждая из которых выращивалась в определенных провинциях (Гальперин 1958: 27). Существовало районное разделение труда и в производстве промышленных товаров: различных тканей, изделий из металлов и лака, бумаги, керамики, фарфора и т. д. А в Осаке размещались не только главный рынок, но и рисовая биржа, производившая скупку риса и дававшая кредиты под будущие урожаи (Кузнецов и др. 1988: 115). В Англии уже к XVI в. образовался единый национальный рынок, который активно развивался в течение всего этого столетия (Винокуров 1993: 48; Лавровский, Барг 1958: 72; см. также: Дмитриева 1990; Штокмар 1957, 1962; Тревельян 1959). Естественно, что такая специализация имела большое влияние на развитие городов.

Зрелое государство может развиваться только в условиях индустриализации, а индустриализация, естественно, неразрывно связана с мощным процессом урбанизации (в том числе с появлением сверхкрупных городов) и с внутренними миграциями (см., например: Бессонов 1999; Дмитриевская 1999; Петров 1990а, 1990б). Зрелая государственность также связана с формированием наций, что немислимо без быстрого обмена информацией и товарами, без мощного разделения труда внутри общества, без единого экономического пространства¹⁷.

Вот почему для развития зрелой государственности на определенном ее этапе в еще большей степени, чем для развитой, требуется реальная централизация и устранение необоснованных политических прерогатив местной элиты (как это было, например, в Японии) и тем более политической раздробленности, каковая была непреодолимым препятствием на пути формирования зрелого Итальянского государства. Последнее, по словам Дж. Читтолини, представляло собой яркий пример трудностей на пути формирования государства в условиях многочисленных и процветающих городских центров (Chittolini 1989: 689).

¹⁶ Отношения центра и городов нередко в чем-то напоминали отношения современных правящих парламентских партий, не имеющих постоянного и прочного большинства, с менее значимыми, но очень важными для получения такого большинства партиями, привилегии которых надо постоянно подтверждать, давать новые (но при возможности можно попробовать и забрать их назад).

¹⁷ Определения развитых и зрелых государств см.: Гринин, Коротаев 2007а; см. также: Гринин 2007б; Гринин, Коротаев 2009г; Grinin 2008а).

3. Территория развитых и зрелых государств и городское население мира: соотношение динамики роста

Проанализируем соотношение между территорией, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами, и численностью городского населения мира (см. Рис. 11.2 и 11.3):

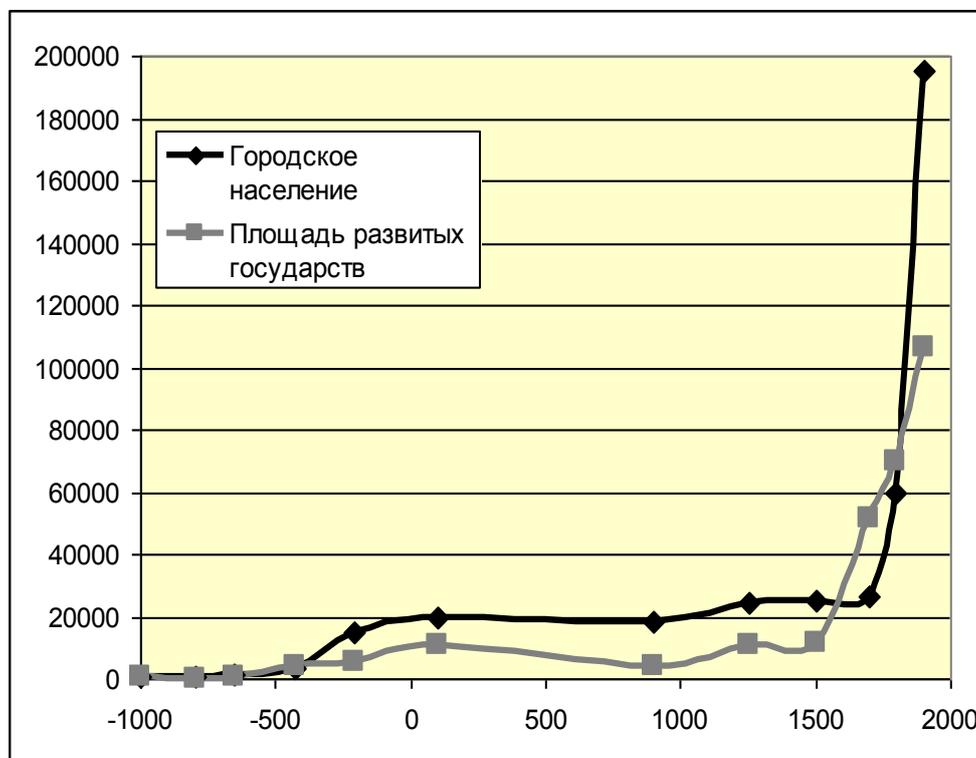

Рис. 11.2. Динамика численности городского населения мира (тыс. чел.) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), 1000 г. до н.э. – 1900 г. н.э.

Примечания: Данные для городского населения приведены для городов с числом обитателей > 10 тыс. чел. *Источники данных:* для городского населения (для всех диаграмм, использованных в этой главе) см.: Гринин, Коротаев 2009г: 174–186. Динамика площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами, определена на основе Табл. 1 и 3 в: Гринин, Коротаев 2009г, баз данных Р. Таагапера (Taagepera 1968, 1978a, 1978b, 1979, 1997), базы данных *Исторический атлас Евразии* (<http://www.openhistory.net>) и *Атласа мировой истории* (O'Brien 1999) для всех диаграмм, использованных в этой главе.

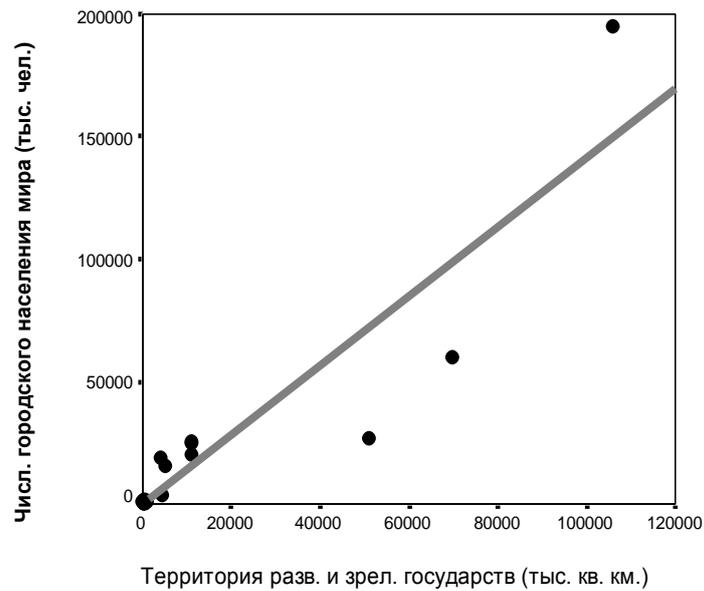

Рис. 11.3. Корреляция между численностью городского населения мира (тыс. чел.) и площадью территории, контролировавшей развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), 2100 г. до н.э. – 1900 г. н.э. (диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии)

Примечания: $r = +0,916$; $\alpha \ll 0,0001$.

Таким образом, из графика видно, что между рассматриваемыми переменными наблюдается действительно сильная положительная корреляция. Однако соотношение между ними значительно сложнее простой линейной зависимости, что особенно хорошо заметно при рассмотрении динамики данных переменных в логарифмическом масштабе (см. Рис. 11.3 и 11.4):

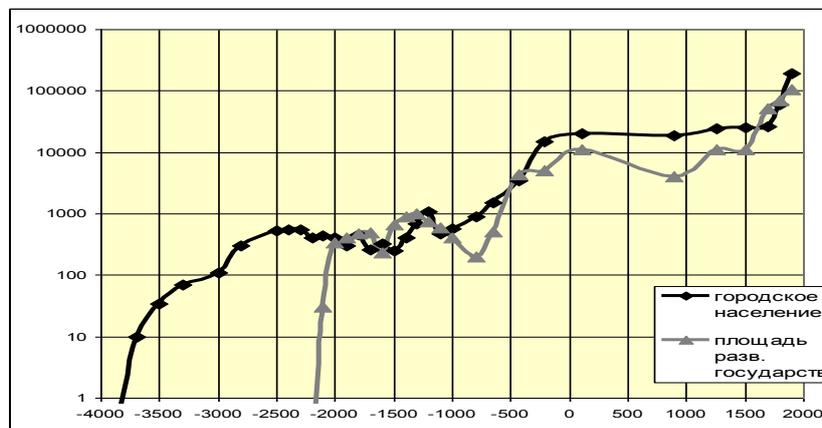

Рис. 11.4. Динамика численности городского населения мира (тыс. чел.) и площади территории, контролировавшей развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), до 1900 г. (логарифмический масштаб)

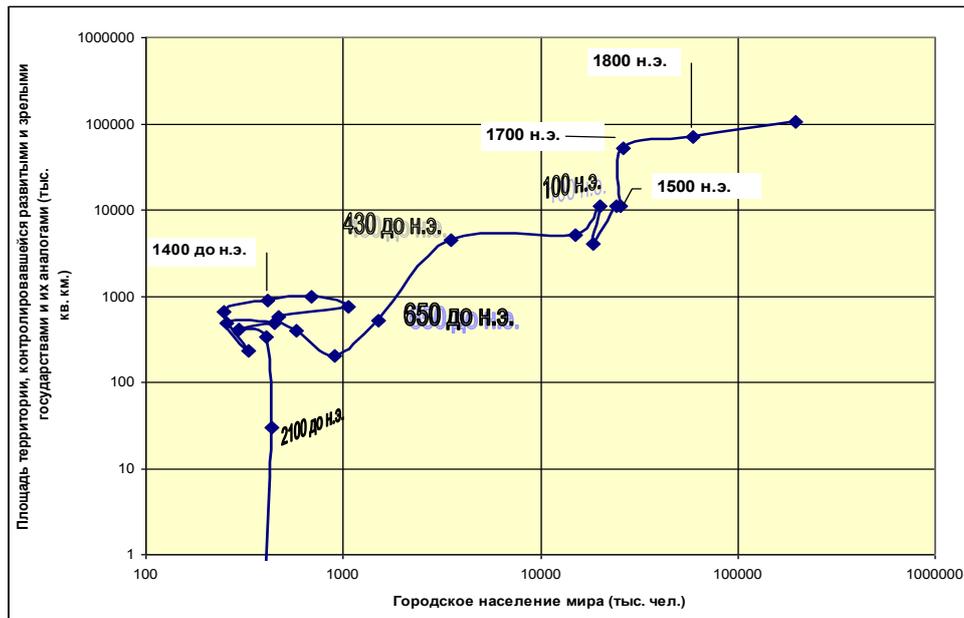

Рис. 11.5. Соотношение между численностью городского населения мира (тыс. чел.) и площадью территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), 2100 г. до н.э. – 1900 г. н.э. (фазовый портрет в логарифмическом масштабе)

Как мы видим, появление первых городов и первая фаза стремительного роста численности городского населения мира (городская революция) наблюдались в IV – начале III тыс. до н.э., т. е. еще задолго до появления первых развитых государств, и были скорее связаны со становлением ранних государств и их аналогов. Однако уже появление первого развитого государства (в середине II тыс. до н.э. в Египте) оказало заметное влияние на динамику численности городского населения Мир-Системы. Действительно, после тысячелетней стагнации численности городского населения мира на уровне 300–500 тыс. человек в третьей четверти II тыс. до н.э. наблюдается достаточно продолжительный период относительно быстрого роста численности городского населения мира, которое, по оценкам Дж. Моделски (Modelski 2003), в XIII в. до н.э. впервые превысило 1 млн человек. Отметим, что произошло это в очень высокой степени за счет именно роста египетских городов; именно в Египте во второй половине II тыс. до н.э. локализуются самые крупные города мира¹⁸. С другой стороны, упадок развитого древнеегипетского

¹⁸ В то же время это было связано и с упрочением ранней государственности вообще, а также с ростом ареала ее распространения; ранняя государственность в это время укреплялась во многом благодаря развитию металлургии, как бронзовой, так и ранней железной, в том числе в Ахейской Греции, в царстве хеттов, государствах Среднего Востока (таких как Урарту, Митанни, Ассирия) и т.д. Таким образом, налицо тесная связь развития новых технологий, с одной стороны, и расширения государственности и урбанизации – с другой. Но также налицо тесная (а в некоторых отношениях неразрывная) связь между развитием государственности и урбанизации. Сам факт локализации наиболее крупных городов в третьей четверти II тыс. до н.э. именно в первом развитом государстве, в Египте (речь идет прежде всего о таких городах, как Фивы, Мемфис и Пер-Рамсес), показывает, что связь между урбанизацией и государственностью приобрела новые характеристики, выражаясь теперь в особом рода корреляции между появлением сверхкрупных городов (а не просто городов) и ростом именно развитой государственности. Но, естественно, чтобы такая связь укрепилась, требовалось значительное время. В развитых государствах позже появляются уже города с населением свыше ста тысяч, а иногда даже в несколько сот тысяч человек. Забегая вперед, можно сказать, что при появлении зрелых государств связь между урбанизацией и государственностью приобретает новый

государства в конце II тыс. до н.э. внес самый существенный вклад в падение численности городского населения, наблюдавшееся в этот период времени.

К. Ламберг-Карловски и Дж. Саблов (1992) указывают, что есть две стратегии расширения городского населения: первая – увеличение числа поселений (что было особенно заметно в период городской революции), вторая – увеличение численности жителей в уже имеющихся городах. В конце III тыс. преобладала вторая стратегия как в Месопотамии, так и в Египте. Нам кажется, что это могло быть связано именно с формированием в Месопотамии аналогов развитых государств, что свидетельствовало об изменении взаимоотношений государств и городов, процессов развитой государственности и урбанизации.

В целом в динамике площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами, прослеживается та же самая система аттракторов и фазовых переходов, что и для численности городского населения мира и мировой урбанизации (см.: Гринин, Коротаев 2009a: 174–186; Grinin, Korotayev 2009b; см. также: Малинецкий 2007)¹⁹.

С одной стороны, достаточно четко выделяются три периода относительно быстрого роста численности городского населения мира (см. Табл. 11.2):

- (A₁) вторая половина IV – первая половина III тысячелетия до н.э.,
 (A₂) I тыс. до н.э.
 и
 (A₃) XIX–XXI вв.

Наряду с этим отчетливо видны и два периода относительно медленного роста численности городского населения мира:

- (B₁) середина III тыс. до н.э. – конец II тыс. до н.э.
 и
 (B₂) I–XVIII вв. н.э.

Табл. 11.2. Динамика численности городского населения мира²⁰

<i>Периоды</i>	<i>Дата</i>	<i>Оценочная численность городского населения мира на соответствующий год (в тыс. чел.)</i>
Период B ₀	10 000 г. до н.э.	0
	4 000 г. до н.э.	0
Фазовый переход A ₁	3700 г. до н.э.	~10
	3000 г. до н.э.	~110
	2500 г. до н.э.	~525
Период B ₁	2400 г. до н.э.	~540
	2300 г. до н.э.	~550
	1900 г. до н.э.	~300

уровень в виде корреляции между формированием сверхкрупных городов и зрелых (сверхсложных) государств. Теперь сверхкрупные города достигают уже численности в миллионы человек.

¹⁹ Заметим, что, аналогичная динамика фазовых переходов и аттракторов имеет место и для процессов роста грамотности и политической централизации в Мир-Системе (см.: Гринин, Коротаев 2009a: 174–186; см. также: Малинецкий 2007).

²⁰ Численность населения поселений с числом обитателей > 10 тыс. человек. Источники данных описаны в: Коротаев 2007a.

Окончание табл. 3.4

Периоды	Дата	Оценочная численность городского населения мира на соответствующий год (в тыс. чел.)
	1800 г. до н.э.	~450
	1700 г. до н.э.	~260
	1600 г. до н.э.	~330
	1500 г. до н.э.	~250
	1200 г. до н.э.	~1 500
	1100 г. до н.э.	~470
	1000 г. до н.э.	~580
Фазовый переход А ₂	800 г. до н.э.	~900
	200 г. до н.э.	~15 000
Период В ₂	100 г. н.э.	~20 000
	900 г. н.э.	~19 000
	1250 г. н.э.	~24 300
	1500 г. н.э.	~25 400
	1700 г. н.э.	~26 300
Фазовый переход А ₃	1800 г. н.э.	~59 500
	2005 г. н.э.	~3 172 000
	2100 г. н.э.	~6 400 000 (прогноз А. Грюблера)
Период В ₃	2150 г. н.э.	~6 600 000 (прогноз А. Грюблера)
	2250 г. н.э.	~6 800 000 (прогноз А. Грюблера)
	2350 г. н.э.	~6 800 000 (прогноз А. Грюблера)

На Рис. 5 видно, что в динамике площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами, прослеживается сходная система аттракторов и фазовых переходов. Скажем, в I тыс. до н.э. здесь наблюдается фазовый переход, в результате которого площадь территории, контролируемой развитыми государствами и их аналогами, вырастает на порядок, до уровня 10 млн км², попадая при этом в область притяжения нового аттрактора, в окрестностях которого Мир-Система и флуктуирует вплоть до фазового перехода Нового времени.

Однако при всей впечатляющей общей синхронии фазовых переходов по всем рассмотренным нами показателям развития Мир-Системы нельзя не отметить и некоторых временных лагов. Так, во время фазового перехода I тыс. до н.э. всплеск роста территории развитых государств (и в целом переход от ранних государств к развитым в масштабах Мир-Системы) заметно отставал от фазового перехода в динамике численности городского населения и урбанизации Мир-Системы.

Это отставание можно интерпретировать как свидетельство того, что экономическое развитие Мир-Системы в это время несколько обгоняло ее политическое развитие²¹. Следовательно, переход заметного числа ранних государств к развитой государственности в это время можно рассматривать как подтягивание уровня развития политических субсистем к уровню существенно ушедших вперед в своей сложности социально-экономических субсистем.

²¹ Отметим, что экономико-технологическая составляющая Мир-Системы обозначалась в категории *принцип производства благ*, а политическая составляющая Мир-Системы в концепции одного из авторов книги обозначается в категории *тип политической организации обществ* (см.: Гринин 2000, 2003, 2007в).

Мы считаем, что становление государственности (как ранней, так и развитой и зрелой) требует определенной экономической и технологической базы, без которой ее развитие задерживается или даже будет невозможным²².

При этом следует иметь в виду некоторые важные моменты, которые, на наш взгляд, вполне объясняют в указанный период причины: а) задержки роста развитой государственности; б) существенного опережения в развитии экономической составляющей Мир-Системы по сравнению с ее политической составляющей.

1. Надо учитывать, что рост развитой государственности – это только часть, хотя и передовая, всего процесса политогенеза этого периода. Политическое развитие (как и любое другое) идет неравномерно. Одни общества становятся уже развитыми государствами, другие – только ранними, а третьи вообще лишь переходят на уровень вождеств. В указанный период огромная часть мира еще вообще не знала государственности и ее аналогов, поэтому необходимо было ее политическое «подтягивание». Следовательно, рост развитой государственности требовал соответствующего (и в принципе даже более масштабного) роста ранней государственности в тех местах, где она еще отсутствовала (например, в Европе). Но эволюция последней во многих местах существенно задерживалась, в том числе из-за отсутствия нужных технологий, прежде всего железной металлургии. Естественно, что остановился и рост развитой государственности.

2. Однако такая задержка не была пропорциональной в разных сферах. В то время как новые развитые государства в интервале между 1580–605 гг. до н.э. не возникали (см.: Гринин, Коротаев 2007а), в этот период, тем не менее, возникло много новых ранних государств и их аналогов (в частности, Шан-Инь, империя Западная Чжоу и государства периода Восточного Чжоу в Китае, крито-микенские, а затем эллинские политии в Балканской и малоазийской Греции; Урарту, Фригия, Лидия, Мидия, Израиль и Иудея на Ближнем Востоке и т.д.). При этом во II–I тыс. до н.э. ранняя государственность уже не могла развиваться иначе как основываясь на урбанизации, торговле и ремесле. С одной стороны, это во многом и создавало указанное опережение роста урбанизации по сравнению с развитой государственностью²³. Но, с другой стороны, переход этих ранних государств к развитой государственности еще не мог состояться по ряду причин, в том числе и потому, что уровень развития ремесла и торговли был низким. Особенно важно отметить отсутствие полноценных денег (т. е. монет из драгоценных металлов, которые упрощали установление торговых связей на больших расстояниях)²⁴. А еще одной (и даже более важной) причиной было отсутствие или недостаточное распространение новых технологий (как экономического, так и военного назначения), прежде всего металлургии железа.

Естественно, надо ясно понимать, что сам по себе переход к использованию железа не обеспечивает автоматического перехода к развитой (и даже ранней) государственности, поскольку для этого требуется еще целый ряд условий²⁵. Но без железа расширение зоны сложной социально-политической организации Мир-Системы сильно задержива-

²² При этом, как сказано выше, в большинстве случаев такая экономическая база либо непосредственно связана с появлением, ростом, концентрацией городов и процессом урбанизации в целом, либо она связана с процессами, которые так или иначе способствуют урбанизации или зависят сами от нее.

²³ Можно отметить, в частности, что поиск металлов и металлических руд (золота, серебра, олова, свинца, железа) был важной причиной основания новых городов и колоний (см., в частности, о роли металлов в греческой [Трейстер 1988] и финикийской [Козловская, Согомонов 1986: 194] колонизации).

²⁴ Первые в мире золотые монеты стали чеканить в Лидии в VI в. до н.э. (см., например: Дьяконов 2004: 420).

²⁵ В том числе новые административные и политические технологии, определенный уровень социального и этнического развития, определенный уровень развития права и судебной системы, отношений собственности, наличие развитых идеологий, прочных экономических связей и т. п. Поэтому хотя кое-где (прежде всего среди хеттов и некоторых их соседей) железо стало применяться достаточно рано, в том числе в военном деле, для перехода к развитой государственности этого оказалось недостаточно.

лось, и поэтому образование развитых государств могло происходить только в виде исключения.

Уже в бронзовом веке, а именно в конце III тыс. до н.э., на Ближнем Востоке возникает сложная система культурного взаимодействия обществ, простиравшихся от Средиземного моря до долины Инда и от Средней Азии до Персидского залива (Ламберг-Карловски 1990: 12). В результате во многих прилежащих к очагам первых цивилизаций (и первых развитых государств) Ближнего Востока территориях на базе использования относительно мягких почв, уже появившейся медной и бронзовой металлургии, участия в международном разделении труда, торговле и т. п. создались города, ранние государства и их аналоги. Распространению ранней государственности существенно способствовал ряд военно-технических инноваций, в частности распространение и усовершенствование бронзового оружия и распространение по Евразии и Северной Африке во II тыс. до н.э. боевых колесниц (см., например: Bentley 1996; подробнее о колесницах см.: глава 7; Горелик 1985). Это упростило военно-политические контакты между обществами и облегчило завоевания, в результате чего интенсифицировались политогенетические процессы (в том числе процессы возникновения государственной организации на все новых территориях), тем более что искусство владения колесницами способствовало выделению военной аристократии (см.: Горелик 1985: 201). Но поскольку бронза и лошади были доступны в основном для элит и находились под их контролем (см., например: Bentley 1996), они не могли сыграть по-настоящему революционной роли в экономическом развитии, без чего не могло идти вширь распространение нового типа государственности. Следовательно, появление развитых государств и их аналогов на новых территориях Евразии без широкого распространения железа, модернизации войска, других хозяйственных и военных инноваций было затруднительно.

Зададимся вопросом: по какой причине смогло возникнуть развитое государство в Египте (и аналоги такого государства – в Месопотамии)? В первую очередь следует отметить характерное для этих стран высокопродуктивное земледелие, которое было в состоянии поддерживать высокую плотность населения, а последнее порождало и особый способ управления населением, который заключался в упоре больше на бюрократический, чем на военный аппарат²⁶. Иначе обстояло дело в окраинных, более бедных земледельческими ресурсами государствах (по крайней мере, при тех технологиях сельского хозяйства, которые имелись до распространения железа). Здесь важнее была военная часть государственной машины. Следовательно, развитое государство могло тут возникнуть только на другой основе, а именно – на базе достаточно прочного объединения очень больших территорий. Другие варианты могли появиться либо на базе очень выгодной торговли и создания больших богатств в неземледельческом секторе (в том числе и за счет ввоза продовольствия, как это было, например, в Афинах), либо на базе достижения высоких результатов в сельском хозяйстве, аналогичных египетским и вавилонским. Всего этого в любом случае можно было достичь только с использованием железных орудий в сельском хозяйстве, ремесле, военном деле (вместе с целым рядом иных технических и стратегических инноваций), а также при мощном развитии торговли (что требовало усовершенствования денежного хозяйства и кредита) и морского транспорта²⁷.

Следовательно, во II – первой половине I тысячелетия до н.э. экономическая и военно-технологическая база для возникновения новых развитых государств, не требующая железа и других новых технологий, оказалась исчерпанной. А новые технологии масштабно распространиться могли только в течение длительного времени. С этим, есте-

²⁶ Большую роль играло и особое географическое положение, связанное с расположением вдоль рек (о Египте см.: Гринин, Коротаев 2007б: 56, прим. 12; см. также: Гринин, Коротаев 2007а).

²⁷ Само собой, как уже сказано выше, требовались также новые административные и политические технологии, развитие социальных, этнических и идеологических отношений.

ственно, и связан некоторый кризис развитой государственности, определенная задержка в появлении новых развитых государств.

И. М. Дьяконов (1994) связывает переход к широкому использованию железных орудий с переходом к фазе, которую он назвал «имперская древность». Действительно, I тыс. до н.э. – это время появления целого ряда империй: от Ассирийской и Новоассирийской до Римской на Западе и империй Цинь и Хань на Востоке. Правда, далеко не всякое крупное государство есть империя, и не каждая империя является развитым государством, равно как и наоборот: развитое государство вполне может не быть империей. Тем не менее, корреляция между широким внедрением железа и ростом развитой (а также имперской) государственности весьма значительная. Это можно увидеть из таблицы, которую приводит И. М. Дьяконов (1994: 50) (см. Табл. 11.3):

Табл. 11.3. Корреляция между массовым введением железа и установлением имперского строя

Регион, страна	Массовое введение железа	Установление имперского строя
Ближний Восток	XI–IX вв. до н.э.	IX–VIII вв. до н.э. (Ассирия)
Индия	VII–VI вв. до н.э.	IV в. до н.э. (Империя Маурьев)
Египет	VI–V вв. до н.э.	IV–III вв. до н.э. (Птолеми)
Китай	V–III вв. до н.э.	III в. до н.э. (Цинь)
Япония	VI в. н.э.	VII–VIII вв. н.э. (Нара)

С другой стороны, во время фазового перехода Нового времени стремительный рост территории развитых государств начался заметно раньше аналогичного всплеска роста численности городского населения Мир-Системы, что особенно видно, если мы рассмотрим отдельно динамику данных показателей во II тыс. н.э. (см. Рис. 11.6):

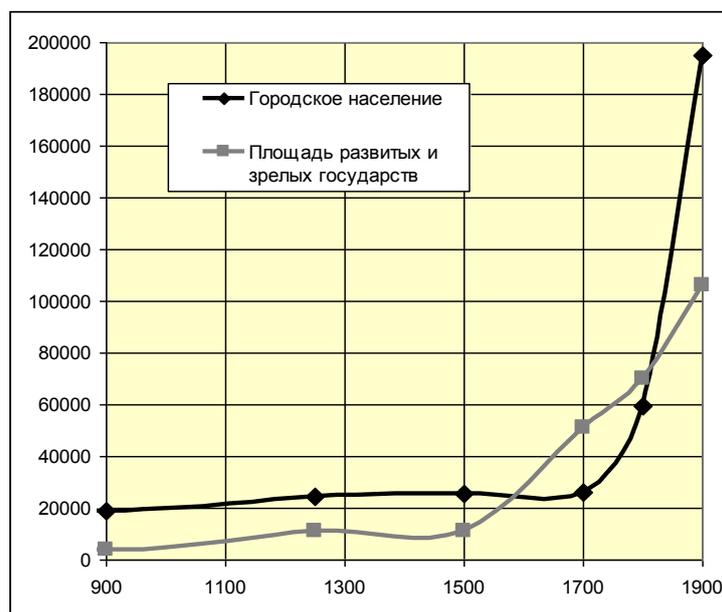

Рис. 11.6. Динамика численности городского населения мира (тыс. чел.) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), 900–1900 гг. н.э.

Как мы видим, во время фазового перехода A_3 стремительный рост территории, контролируемой развитыми государствами, начинается за два века до начала столь же стремительного роста городского населения мира. Столь быстрый рост данной территории в XVI–XVIII вв. был связан со становлением развитой государственности в Османской империи, Могольской Индии и России, восстановлением развитой государственности в Иране (подробнее об этих процессах см.: Гринин, Коротаев 2007a)²⁸. Он также был связан с мощной территориальной экспансией развитых государств Азии (прежде всего Цинского Китая, Могольской Индии, Сефевидского Ирана, Османской империи), России, колонизовавшей огромную по площади Сибирь, и некоторых западноевропейских (в значительной степени уже становившихся зрелыми) государств, начавших активную заморскую колониальную экспансию (о чем мы скажем подробнее ниже).

Есть необходимость пояснить указанную аритмичность, поскольку она связана с особенностями развитых государств. С одной стороны, эти государства создают прочные политические и неполитические связи внутри своего социума (подробнее см.: Гринин 2006в; 2007б), при этом особо важную роль в соответствующих коммуникативных сетях играли крупные города и особенно столицы, численность жителей в которых могла быть очень велика для аграрных обществ. Так, Стамбул, ставший уже в 1500 г. самым крупным городом Европы, довольно быстро догнал по размерам Пекин (Chase-Dunn, Manning 2002: 387) и к середине XVI в. насчитывал от 400 до 500 тыс. человек (Петросян 1990: 72–73, 103), в то время как численность населения крупнейших городов мира VIII–IX вв., Чанъяня и Багдада, оценивается еще более высокими цифрами (Modelski 2003: 150–151, 184).

С другой стороны, не следует забывать, что развитые государства этого периода – это прежде всего аграрные государства. Поэтому они были нередко более заинтересованы в создании городов как военных крепостей и форпостов (например, южная засечная черта в России) и не всегда столь же заинтересованы в расширении городского населения, например в столицах, где беспокойные городские элементы могли угрожать государственному порядку.

М. Вебер, вероятно, прав, когда в качестве причин экономического (и соответственно демографического) упадка многих городов начиная с XVI в. указывал, во-первых, на изменения прохождения торговых путей, а во-вторых (и в-главных, по его мнению) – на то, что развивающаяся нового типа торговля и промышленность привели к тому, что традиционные входящие в городское хозяйство формы предпринимательства уже не давали наибольшей прибыли. «Старые формы предпринимательства постигла та же судьба, как некогда феодальную военную технику» (Вебер 1994: 408). Новые же предприниматели, сосредоточившиеся в наиболее прибыльных сферах, часто и географически перемещались в другие места, например за город, или – еще чаще – административно или фактически переставали подчиняться прежним городским учреждениям.

²⁸ Не в последнюю очередь становление этого типа государства происходило в связи с военной революцией XV–XVI вв. (см.: Бондаренко, Коротаев 2007), особенно в связи с созданием специальных артиллерийских корпусов (см., например: Нефедов 2002в), а затем и с революцией XVII в., связанной особенно с созданием нового типа армий. И тут имеет смысл отметить, что те страны, которые не сумели перейти к новому типу организации войск, не смогли перейти и к новому этапу развитого государства – типичному развитому государству. Если Османская империя была едва ли не первым государством, создавшим особый корпус артиллерии, что помогло не только ее победам, но и было толчком для заимствования ее военно-организационных достижений другими странами: Ираном, Могольской Индией, Россией (*там же*), то отставание с реорганизацией армии стало важнейшей причиной кризиса Турции в XVIII–XIX вв., а модернизация армии в России обеспечила ее политические и военные успехи вплоть до середины XIX в., когда уже Россия не смогла создать соответствующие зрелой государственности армию и флот.

Важной причиной, объясняющей аритмичность, было и то, что развитые государства как более организованные и сильные в военном отношении оказываются способными к мощной экспансии на более слабую в военном отношении периферию, в результате чего территория некоторых из этих государств сильно расширяется. Однако такое расширение часто распространяется на сравнительно мало заселенные (а значит, как правило, и менее урбанизированные) местности (как это было в случае экспансии России в Сибири или Цинского Китая в Восточном Туркестане и Тибете).

О проблемах аграрного перенаселения, мальтузианских ловушек и структурно-демографических циклов мы вели речь в главе 9.

Указанные структурно-демографические циклы имеют двойственный и противоположный эффект в отношении роста городского населения. С одной стороны, в период относительного перенаселения часть аграрного населения по разным причинам, в том числе не находя приложения своим силам в сельской местности, стремится в города. Это ведет к росту урбанизации (Нефедов 2002*a*, 2002*b*, 2003; Коротаев, Малков, Халтурина 2005*a*: 215–219; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006*b*; см. также: Нефедов, Турчин 2007: 153–167; Гринин, Коротаев 2009*d*; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Зинькина и др. 2016; Zinkina *et al.* 2017). С другой стороны, на фазах восстановительного роста (или при резком расширении экологической ниши) демографический рост в аграрных обществах, как правило, обгоняет рост городского населения. Доиндустриальные города (в особенности самые крупные из них) характеризовались заметно более высокой смертностью рядового населения, чем это наблюдалось в сельской местности. Средняя же продолжительность жизни рядового городского населения была значительно меньше. Во многих крупных доиндустриальных городах уровень смертности вообще превышал уровень рождаемости, а их воспроизводство и рост происходили за счет притока населения из сельской местности (см., например: McNeill 1976; Storey 1985: 520; Lee, Wang 1999; Diamond 1999; Maddison 2001: 34; Livi-Bacci 2012). Поэтому при сносном уровне жизни (наблюдавшемся на фазах восстановительного роста и при резком расширении экологической ниши) сельские жители переселялись в доиндустриальные города, как правило, относительно редко, и доля горожан в общем населении в таких случаях имела тенденцию сокращаться, как это было, например, в России во второй половине XVIII в. (Нефедов 2005: 188) или в Китае в первой половине того же века (Коротаев, Малков, Халтурина 2005*a*: 215–219; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006*b*).

Итак, с одной стороны, распространение развитой государственности было важной частью фазового перехода I тыс. до н.э. и внесло заметный вклад в выход мировой урбанизации на новый уровень. Действительно, во-первых, развитые государства позволяют поддерживать существование на данной территории большего населения (т. е., по сути дела, расширяют экологическую нишу [Turchin 2003: 120–122]), а во-вторых, «дают возможность» населению приблизиться к потолку несущей способности земли, что, как отмечалось выше, провоцирует урбанизацию. В результате для развитых государств оказываются характерными более высокие, чем для ранних, показатели как общей численности городского населения, так и уровня урбанизации (т. е. доли городского населения в общем населении страны)²⁹.

²⁹ В качестве примера можно взять Византию в ранний период ее истории. По некоторым данным, в конце IV в. н.э. в ней насчитывалось до 1 тыс. городов, в том числе такие крупные, как Александрия (250–300 тыс. жителей), Антиохия (200–250 тыс.), Константинополь (150 тыс.). Общая доля городского населения могла составлять 20–25 % (см.: Курбатов, Лебедева 1986: 114)

С другой стороны, характерные для развитых государств «вековые» политико-демографические циклы в очень высокой степени создают эффект аттрактора. Действительно, на тех фазах циклов, когда наблюдается быстрый общий рост населения, города растут медленнее; а ускорение темпов роста городов приходится как раз на те фазы цикла, когда замедляются темпы общего роста населения. Конечно же, результаты такого роста городов радикально отличаются от того, что мы видим в эпохи фазовых переходов, когда рост урбанизации происходит на фоне ускоряющихся общих темпов роста населения (что, отметим, и дает эффект фазового перехода). В довершение всего в результате политико-демографических коллапсов городское население сокращается особенно сильно, что и создает на выходе эффект блуждания вокруг аттрактора B_2 , аттрактора сверхсложного аграрного общества с характерной для него развитой государственностью.

В целом развитые государства в XVI–XVIII вв. еще не успевают обеспечить адекватный их территории рост городского населения. Ясно также, что прочную основу для мощного роста урбанизации мог дать только новый промышленный (а не аграрно-ремесленный) принцип производства. Поскольку его приход и распространение требовали времени, урбанизация несколько отставала от территориального роста развитых государств. Однако следует учитывать, что именно быстрый рост населения в целом в развитых государствах, а также создание множества новых населенных пунктов и обеспечили в будущем основу для мощной урбанизации.

Рост территории развитых государств был также связан со становлением такого типа государств в Европе в XV–XVI вв. (речь идет прежде всего о России, Испании, Португалии, Австрии, Нидерландах и Англии). Отметим, что в данном случае это оказалось напрямую связанным с наметившимся в раннее Новое время переходом к промышленному принципу производства (см.: Гринин 2003, 2007з; Гринин, Коротаев 2009г: 97–127; Гринин, Гринин, Коротаев 2019). И уже начальные фазы последнего привели к очень заметному прогрессу именно в тех областях (таких как мореплавание и военное дело), которые способствовали ускорению территориальной экспансии развитых (и тем более зрелых) государств.

При всей видимой асинхронности речь идет о тесно взаимосвязанных процессах. Вспомним, например, о роли европейской колониальной экспансии в распространении по Мир-Системе сельскохозяйственных культур Нового Света и процессах первоначального накопления, напрямую подготовивших модернизацию сельского хозяйства и промышленную революцию конца XVIII–XIX вв. А вместе это и привело к все более ускоряющемуся, взрывообразному росту численности городского населения мира³⁰.

Особенно рельефно связь динамики развитой государственности и урбанизации Мир-Системы будет видна, если мы рассмотрим динамику численности населения сверхкрупных городов (с числом обитателей более 200 тыс. чел.) (см. Рис. 11.7 и 11.8)³¹:

³⁰ Можно отметить, что и в Новом Свете порой возникали весьма крупные города. Например, в XVI в. в Бolivии в Высоких Андах на высоте 4 тыс. метров возник довольно большой город Вилья-Империальде-Потоси, в котором происходил процесс амальгамации серебра и который на пике своего расцвета насчитывал, по некоторым оценкам (вероятно, завышенным), до 120 тыс. жителей (Бакс 1986: 123; Бродель 1988: 186).

³¹ Отметим, что благодаря наличию в нашем распоряжении большого числа точек данных мы имеем возможность в этом случае лучше рассмотреть циклическую и стохастическую компоненту динамики рассматриваемых переменных в эпоху сверхсложных аграрно-ремесленных обществ, т. е. флуктуации около аттрактора B_2 .

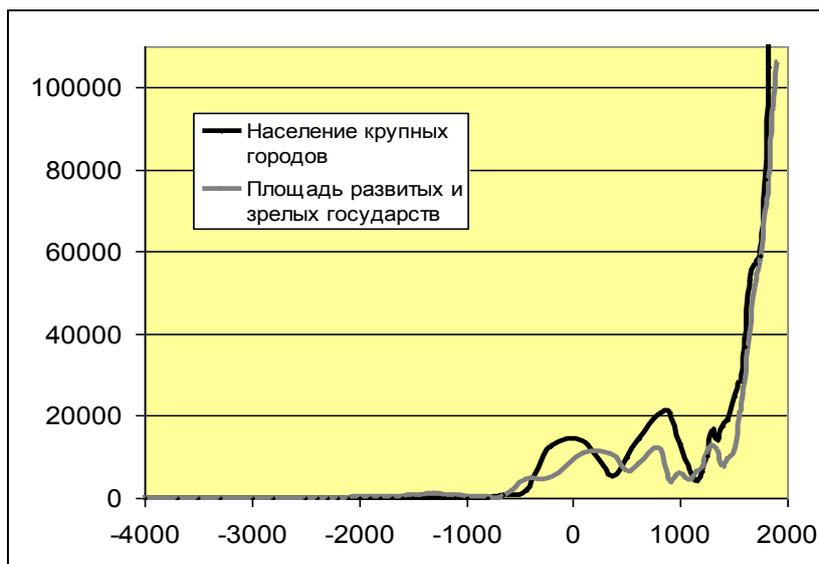

Рис. 11.7. Динамика численности населения сверхкрупных городов (в сотнях чел.) и площади территории, контролировавшейся развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), до 1900 г. н.э.

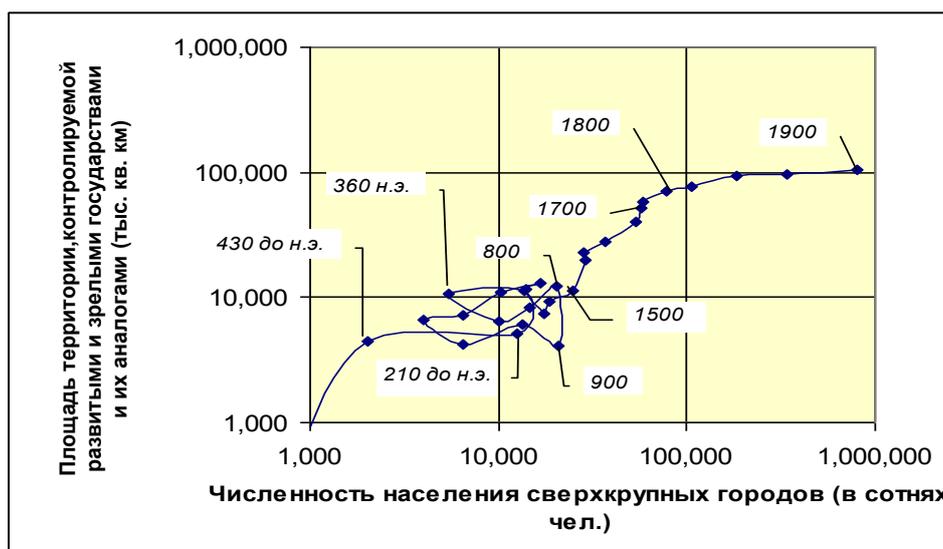

Рис. 11.8. Соотношение между численностью населения сверхкрупных городов (в сотнях чел.) и площадью территории, контролировавшейся развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (тыс. км²), 2100 г. до н.э. – 1900 г. н.э. (фазовый портрет в двойном логарифмическом масштабе)

Как мы видим, синхронность фазовых переходов выражена в данном случае значительно более отчетливо. Города с численностью населения более 200 тыс. человек впервые появляются во второй половине I тыс. до н.э. синхронно с наблюдавшимся в это время резким ростом площади территории, контролируемой развитыми государствами. Стабили-

зация этой площади в начале I тыс. н.э. на уровне порядка 10 млн км² сопровождается и стабилизацией численности населения сверхкрупных городов Мир-Системы³² на уровне порядка 1 млн человек. Таким образом, обе переменные вполне синхронно оказываются в области притяжения аттрактора суперсложного аграрно-ремесленного общества (B₂). Более того, и выход из области притяжения этого аттрактора они начинают в высшей степени синхронно – во второй половине XV в. (в большой мере в связи с наметившимся переходом к промышленному принципу производства [см., например: Гринин 2003, 2007а, 2007з]).

На наш взгляд, данная синхронность абсолютно не случайна. Дело в том, что сверхкрупные города доиндустриальной эпохи являются в очень высокой степени порождением именно развитой государственности.

Развитые государства, как уже сказано, вообще немислимы без наличия крупных городов, столиц в первую очередь, поскольку они играют роль своего рода ядра, без которого устойчивость государства к внешним возмущениям становится существенно меньше (см., например: Гринин 2007б; Коротаев, Гринин 2007; Korotayev, Grinin 2013). С другой стороны, именно развитые крупные доиндустриальные государства были в состоянии поддержать воспроизводство столь крупных городов. Более того, они естественным образом их порождали. Действительно, становление развитой государственности означало усложнение на порядок структуры административного аппарата (и в том числе центрального аппарата). Таким образом, столица сверхкрупного развитого доиндустриального государства должна была обеспечить размещение и обслуживание данного аппарата, что предполагало размещение в ней не только большого числа администраторов и обслуживающего их технического персонала, но и большого числа ремесленников и торговцев, обеспечивающих их нужды. В столицах нередко находилась и значительная часть аристократии, о чем уже говорилось выше, а также и вооруженных сил. Кроме того, развитая государственность предполагала и на порядок более развитую систему аккумуляции и перераспределения ресурсов через административный центр, что приводило к резкому росту концентрации ресурсов в таком центре. Особо высокого уровня концентрация ресурсов достигала в административных центрах сверхкрупных развитых государств, что привлекало туда значительные массы населения, в том числе и незанятого непосредственно в обслуживании нужд центрального аппарата государственной системы. Поэтому неслучайным представляется то обстоятельство, что большинство зафиксированных базой данных Т. Чэндлера до 1800 г. (включительно) сверхкрупных городов представляло собой именно столицы развитых/зрелых крупных государств-«империй». Отметим также, что в целом из зафиксированных Т. Чэндлером до 1800 г. (включительно) 152 сверхкрупных (с населением > 200 тыс.) городов на территории развитых и зрелых государств и их аналогов находилось 134 (или более 88 %) (Chandler 1987: 461–485), что служит дополнительным аргументом в пользу тезиса о том, что сверхкрупные города доиндустриальной эпохи являлись в очень высокой степени именно порождением развитой государственности.

Рассмотрим теперь соотношение между динамикой территории, контролировавшейся развитыми и зрелыми государствами, и динамикой мировой мегаурбанизации (т. е. динамикой пропорции населения сверхкрупных городов в общем населении мира) (см. Рис. 11.9–11.11).

³² Отметим, что все сверхкрупные города мира всегда находились именно на территории Мир-Системы.

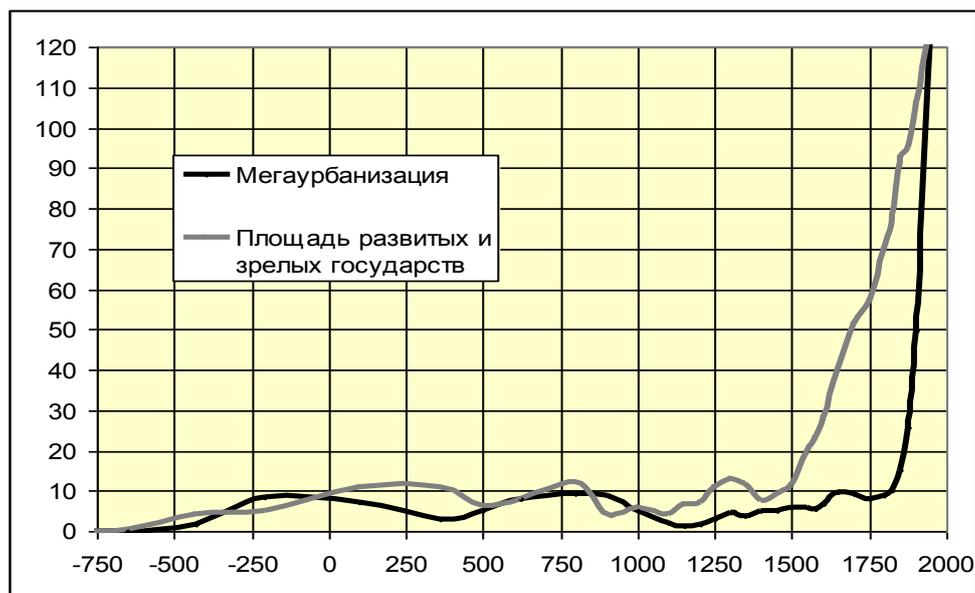

Рис. 11.9. Динамика мировой мегаярбанизации (пропорции населения сверхкрупных городов в общем населении мира,‰) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (млн км²), до 1950 г. н.э.

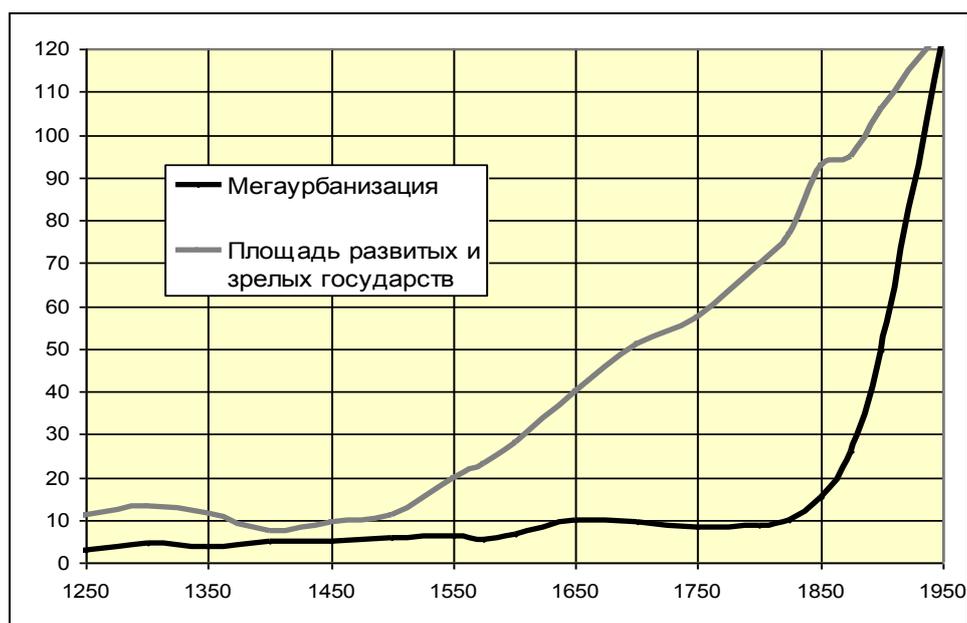

Рис. 11.10. Динамика мировой мегаярбанизации (пропорции населения сверхкрупных городов в общем населении мира,‰) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (млн км²), 1250–1950 гг. н.э.

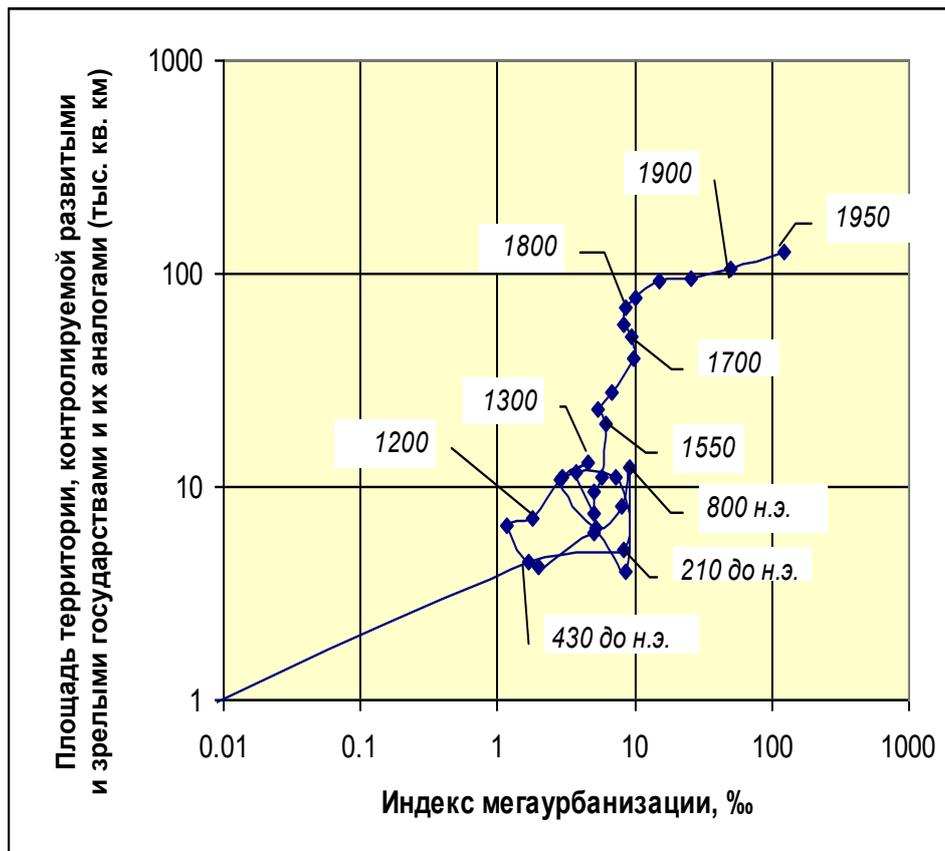

Рис. 11.11. Динамика мировой мегаурбанизации (= динамика пропорции населения сверхкрупных городов в общем населении мира, ‰) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (млн км²), до 1950 г. н.э. (фазовый портрет в двойном логарифмическом масштабе)

Как мы видим, наблюдавшееся во второй половине I тыс. до н.э. резкое расширение территории, контролируемой развитыми государствами, предсказуемым образом сопровождалось появлением первых сверхкрупных городов. К концу этого тысячелетия показатель мировой мегаурбанизации приближается к 1 % (или 10 ‰), а территория развитых государств достигает 10 млн км². После этого данные показатели остаются в пределах достигнутого к началу н.э. порядка более полутора тысяч лет. Мир-Система попадает в область притяжения аттрактора суперсложного аграрно-ремесленного общества. Площадь развитых государств начинает свое движение из области притяжения данного аттрактора в конце XV в., т. е. на триста лет раньше мегаурбанизации. Это не противоречит тому факту, что население сверхкрупных городов мира начинает расти достаточно быстрыми темпами вместе с началом резкого расширения территории развитых государств в конце XV в. Напомним, что данные процессы происходили на фоне гиперболически ускорявшегося роста численности населения Мир-Системы. В результате хотя численность населения сверхкрупных городов мира между 1500 и 1800 гг. выросла на 215 %, доля их населения в общей численности населения мира (т. е. мегаурбанизация Мир-Системы) увеличилась лишь менее чем на 50 %. Таким образом, по показателю ме-

гаурбанизации Мир-Система к началу XIX в. все еще оставалась в области притяжения аттрактора суперсложного аграрно-ремесленного общества, выход из которого и начало выраженного движения в сторону области притяжения следующего аттрактора происходят только в XIX в.

Это вполне объяснимо, поскольку завершающая фаза промышленной революции (собственно промышленный переворот) в этот период только начинался и захватил, по сути, только одну страну – Англию (см. подробнее, например: Knowles 1937; Dietz 1927; Henderson 1961; Phyllis 1965; Cipolla 1976; Stearns 1993, 1998; Lieberman 1972; Манту 1937), а следовательно, не распространился широко. Сверхкрупные города теперь должны были появляться уже на другой экономической базе, а развитие такой базы еще не достигло нужного объема. Подобно тому, как во II тыс. до н.э. оказались исчерпанными территории, где новые развитые государства могли появляться на первичной хозяйственной базе (т. е. ирригационного хозяйства с определенными географическими и технологическими условиями), так и сверхкрупные города уже исчерпали старую производственную аграрно-ремесленно-торговую и военно-административную базу. Если за XVIII в. число городов с населением более 100 тыс. человек в европейских странах и США увеличилось только в 2 раза, то за XIX в. – уже в 8 раз (Петров 1990а: 205 со ссылкой на: Vairoch 1977). Если в нынешних странах «первого» мира в 1800 г. было 24 крупных города с населением более 100 тыс. человек, а в Азии, Африке и Латинской Америке – 51 город, то в 1900 г. ситуация радикально меняется: соответственно 185 и 93 (без учета Японии) города (*Там же*).

Отметим, что сходная картина наблюдается и в целом для показателя мировой урбанизации (т. е. для динамики доли населения, обитающего в городах с числом жителей более 10 тыс., в общей численности населения мира) (см. Рис. 11.12–11.13):

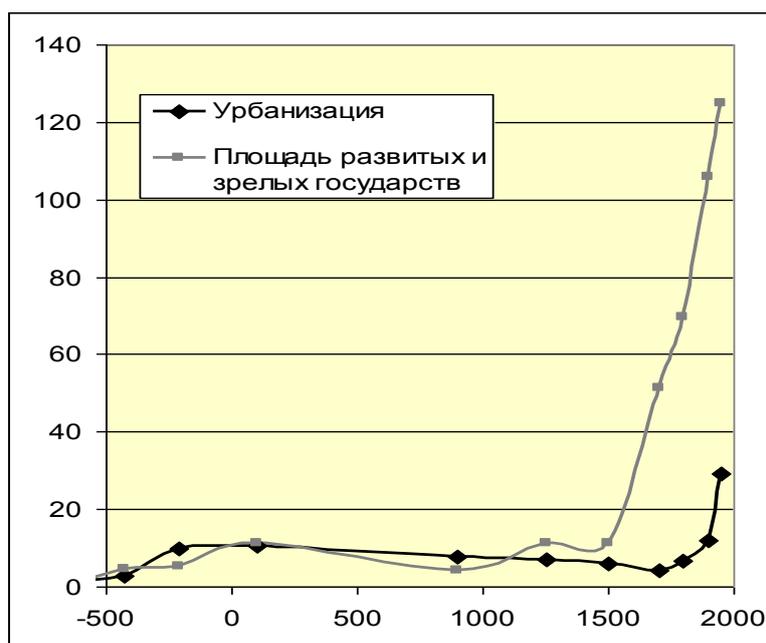

Рис. 11.12. Динамика мировой урбанизации (= динамика пропорции населения городов с числом жителей > 10 тыс. чел. в общем населении мира, %) и площади территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (млн км²), до 1900 г. н.э.

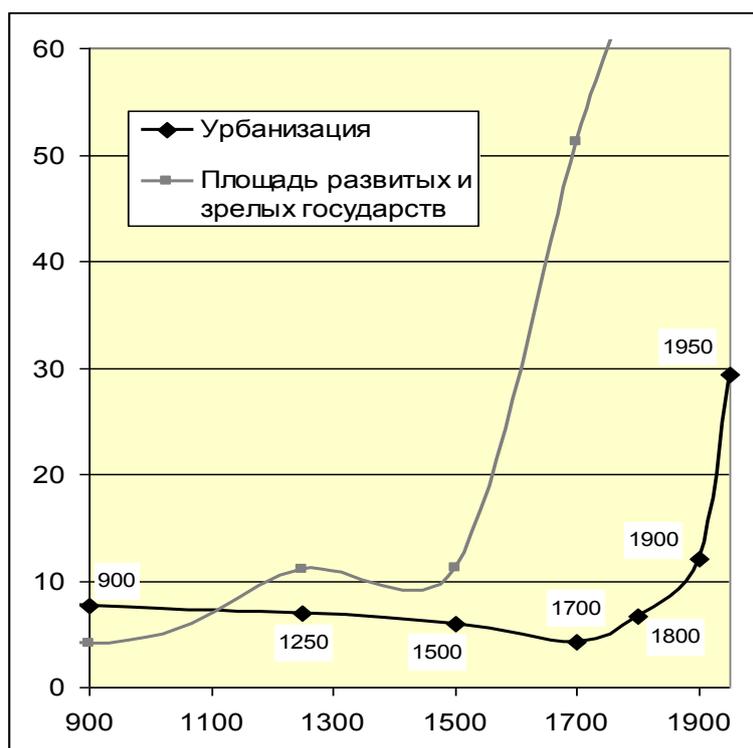

Рис. 11.13. Динамика мировой урбанизации (= динамика пропорции населения городов с числом жителей > 10 тыс. чел. в общем населении мира, %) и площади территории, контролировавшейся развитыми и зрелыми государствами и их аналогами (млн км²), 900–1950 гг. н.э.

Коррелятом урбанизационного взрыва XIX–XX вв. в сфере политического развития выступает уже скорее не рост территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами, а наблюдавшаяся в эти века волна становления и укрепления зрелой государственности, которая в XX в. охватила собой почти всю планету (см.: Гринин, Коротаев 2007a; Korotayev, Grinin 2013). Что касается роста территории, которую контролировали развитые и зрелые государства, то она к концу XIX в. оказалась уже совсем недалеко от точки насыщения (соответствующей всей сухопутной территории земного шара), что неизбежно вело к замедлению темпов этого роста.

В завершение главы мы хотели бы подчеркнуть, что в нашем понимании **урбанизация, с одной стороны, и рост развитой и зрелой государственности – с другой, не просто тесно взаимосвязаны и заметно влияют друг на друга (как было показано выше), но что они являются разными сторонами единого процесса развития социальной эволюции.**

Коррелятом урбанизационного взрыва XIX–XX вв. в сфере политического развития выступает уже скорее не рост территории, контролируемой развитыми и зрелыми государствами, а наблюдавшаяся в эти века волна становления и укрепления зрелой государственности, которая в XX в. охватила собой почти всю планету. Что касается роста территории, которую контролировали развитые и зрелые государства, то она к концу XIX в. оказалась уже совсем недалеко от точки насыщения (соответствующей всей сухопутной территории земного шара), что неизбежно вело к замедлению темпов этого роста.